

Джулиан дабл Джей

ВХОДЯЩИЙ В СВЕТ

Роман-лабиринт

Джулиан дабл Джей ВХОДЯЩИЙ В СВЕТ. Роман-лабиринт

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27101516
SelfPub; 2017*

Аннотация

Как простому столяру из ЖЭКа стать Властелином собственной жизни? Кто скрывается за зловещей маской профессионального убийцы-самурая? И на что, наконец, способен человек на краю общемировой катастрофы, если в его руках вдруг оказываются судьбы всего мира, а не только его близких и любимых людей? И какими ключами открываются двери в Сказку Жизни? Читайте и погружайтесь в захватывающую сагу о тайнах параллельных миров в лабиринтах Любви, детективной истории и волшебных приключений главных героев.

Содержание

Притча-введение в тему	4
Итак,	8
Глава 2	16
Ну, а теперь	20
А теперь, опять же,	25
Ну, вот и очередная	29
Следующая, как Вы уже догадались,	33
А вот тут как раз	37
Глава 8	41
Глава 9	44
Нежданная встреча на стадионе	48
Глава 11	51
Глава 12	54
Обучение	59
Глава 14	63
Глава 15	67
Новый виток обучения	71
Глава 17	75
Москва	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Притча-введение в тему

Смешайте восприятие с ясным небом и пребывайте в пхове, где ничто никуда не движется, ничто не отвергается и никуда не переносится. Такое Освобождение в безначальную Чистоту – наивысший тип пховы.

Тулку Ургьен Ринпоче

Горная дорога была едва заметна между камней и, петляя всё дальше и дальше через холмы, терялась в захватывающем дух сочетании скал, облаков, обрывов, пещер, травянистых откосов и других красот высотного мира.

Странник легко ступал по ней, словно парил в невесомой дымке горного полдня. Он словно скользил среди ветров и редких кустарников, посреди пустоты неба и материальной полновесности гор.

Солнце медленно и уверенно заполняло синеву небес, пробуждало побелевшую от ночного забытья древнюю землю.

Вон там, вдалеке, выпорхнула из ниоткуда большая и сильная птица, махнула лениво и мощно широкими крыльями, и молнией метнулась обратно в никуда, словно воспоминание о чьей-то жизни...

Тишина сквозила запахами и звуками одинокой заоблач-

ной выси. Но путник не чувствовал себя одиноким... Наоборот.

Он, скорее, наслаждался безлюдьем этого замечательного места...

Всё говорило о свободе и чистоте, всё вокруг просто утопало в окончательной безграничности пространства и покоя.

Человек знал это, чувствовал и блаженствовал в невесомости окружающего безвременья.

Горный путь безмятежно пролегал по ту стороны обычной людской заботы и тревоги. Человек не имел особой цели и не обременял себя суетным достижением смысла своего путешествия. Он просто шёл и шёл к последнему пристанищу своей жизни. Высочайший пик этого горного царства и был его пунктом назначения, – страны пришедших и обретших своё духовное благополучие: завершение в Духе.

Так когда-то ему рассказывал об этом его дед, а тому его дед, тому – его, – и так дальше, так дальше, так дальше до самого конца... Всё это действительно было чистой правдой.

О чём ему не обмолвился ни один из его Учителей и наставников, – как раз об этом нестерпимом ощущении признательности и нежности к оставленному миру живых, об этой предательской естности обычных человеческих чувств по отношению к прошлому, к его друзьям и родным, здесь, в Бардо.

Нет, он ни о чём не жалел, не скорбел...

Но всё же привычный мир Земли и её обитателей лёгкими

касаниями памяти ранил его сердце.

Слёзы не текли по лицу. Они почти незаметно обжигали его душу...

О чём говорить?! Тут, в Зазеркалье не было разделения на душу и тело. В этих благословенных местах весь он был ни что иное как сплошная душа...

Оглядевшись с высоты высочайшего пика, он остался доволен. Он пребывал в нескончаемой эйфории.

Раскинувшаяся перед ним бездна блистающих льдом и слепящих солнцем горных вершин захватывала воображение безбрежностью и синевой... Купола облачных айсбергов в океане небес дрейфовали чинно и торжественно, ленивые волны воздушных масс плавно несли на своих невидимых плечах их впечатляющие громадины... Всё пребывало в нескончаемом кайфе и запредельной человеческому пониманию умиротворённости.

Правда, здесь, на одной из головокружительных вершин, обычное человеческое восприятие было бы лишено всякого смысла.

Здесь, в надмирье Бога, – не было никого, кроме Бога. И Богом было всё, включая и самого странника.

Вернее того, кто когда-то был им...

Ведь теперь он стал всем.

Да!

Кто был ничем, теперь стал всем сразу. И дрейфующими гигантами-облаками, и бесконечным солнцем и нескончае-

МЫМ СОБОЙ, кем и был всегда...

Но кто разберётся, пока не попал на вершину? Кто поймёт?..

Ведь даже если вернуться, даже если неожиданно вернуться, что абсолютно невозможно, – рассказать о достигнутом было невероятно.

И зачем? Каждый, кто достиг предначертанного духовного высокогорья, – сам становится ВЕЧНОСТЬЮ: вечными Счастьем, Любовью и Радостью, – началом начал и концом концов.

Он ещё раз окинул взглядом великолепии красоты перед собой и, наконец, уверенно и с мягкой улыбкой шагнул в СВЕТ...

К источнику всего существующего в мире...

За пределы всех ограничений...

Внутрь ТАЙНЫ.

В ИСТИННУЮ ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ...

Итак, или Глава 1

Ложка качнулась ещё и ещё, и наконец, рухнула на пол, увлекаемая крупным рыжим тараканом, душераздирающе звеня на всю комнату раскатистым металлическим звоном.

Я со стоном перевернулся на другой бок на своей древней сверхвместимой скрипящей кровати и чихнул. Кувыркнувшийся с неубранного после вечернего скудного пиршества стола рыжий тараканище, проворно ковыляя и устрашающе шевеля длинными, как у заправского атамана, усищами убрался восвояси по направлению к входной двери.

Я, Ванька Барашкин, – это среднестатистический россиянин с обыкновенной внешностью человека тридцати «с гаком» лет, одинокий, несколько странноватый на вид, и абсолютно безобидный «тихарь», по выражению коммунальной язвы-тёти Глашки, уже проснулся от грохота ложки, но продолжал дремать и вставать не собирался.

В дверь тихо и настойчиво забарабанили. Я сонно чмокнул губами, сладко потянулся и... опять перевернулся на другой бок. Вставать действительно не хотелось, ведь выбор предполагал лишь две возможности: восхитительная широкоформатная чудо-сказка или эта бесконечная череда блед-

нообразных дней здесь, в нашем жизненном «муравейнике».

– Барашек! Ба-ра-шек... – протяжно выпрашивали между тем из-за двери моего внимания голосом соседа по коммуналке Грини Шайкина, с которым мы не далее, как вчера, «гужбанили» по поводу нашей очередной заработной платы. Работали мы вместе в местном ЖЭКе в столярном цехе и по совместительству сторожили по очереди местный овощной магазин по ночам.

– Входи! Не заперто, – промышчал я спросонья и медленно сел на постели, свесив ноги в рваных, старых вязаных носках, одновременно служащих мне домашними тапочками, на дощатый, местами облезающий от коричневой краски пол. Долговязый рыжий детина Гриня Шайкин, похожий для стороннего наблюдателя на порядочных размеров пожарную каланчу, обычно предназначенную для занятий на время и скорость командных действий, просунул в дверной проём...

– Здорово, Барашек! – низким зычным голосом приветствовал меня, своего собрата по «оружию», Гриня.

– Угу... – коротко отозвался я, просовывая руки в старый-престарый махровый халат.

– Чё, блин, догоним по маленькой! – широко осклабился верзила, как фокусник, извлекая из-под объёмистого малинового свитера студёно-слезливую «чекушку».

– Мы же только вчера как «догнали», Гриня! Я ещё не оклимался... А ты: догоним, догоним... Бр-рр... – поёжился я.

– Да, ты не бойсь, по маленькой, за компанию и всё... Всё! – авторитетно махнул перед грудью своей мохнатой пятёрнёй бугай. Потом по-хозяйски шагнул к неубранному после празднования получки широкому без скатерти столу. И в следующий момент комфортно расположился на единственной во всей комнате табуретке... Потом крикнув, он одним движением сорвал с бутылки золотистую крышечку.

– Погнали без печали, – проговорил затем свою любимую присказку и, показав на немывтый стакан, налил себе в другой. Резко глотнув, тут же вобрал в себя всё содержимое, и, плавно выдохнув, налил следующий. – Давай, давай, дружбанище! Не отставай! – при этом Гриня практически в одиночку опорожнил уже «чекушку», на удивление ловко орудуя стаканом, который опрокидывался им в себя практически с пулемётной скоростью.

Я, опершись на край стола обоими локтями, окончательно проснувшись, наблюдал за этой впечатляющей сценой возлияния с нескрываемым восторгом и даже некоторым мистическим благоговением. Причём стоило первой бутылке скользнуть из лапищи Шайкина под стол, как откуда ни возьмись, появилась новая.

– Э-э-э... – заволновался я, – смени передачу, сбавь обороты, Гриня! Хорошо, что у тебя «чикушки»... А то по «большой», я чувствую, ты бы тут быстро догнал и перегнал кого угодно и... В общем, закругляйся – я не выпался!

Шайкин недоумённо уставился на меня во все глазищи. –

Ты чё, братан! Не обижай, поддержи компанию... Слышь, ё-моё... Слышь?

– Ты, Гринь, погодь, не суетись, я тебе дело говорю, а ты прёшь, как танк!.. Тоже мне обидчивый какой сыскался... Я вот отосплюсь, сон досмотрю про... ну, хм... Тогда и приходи, понял?..

И я принялся медленно крениться набок, картинно заноса ноги обратно на кровать. Гриня вдруг остервенело ринулся ко мне и судорожно вцепился в стёганое обветшалое одеяло, пытаясь выручить его своими цепкими ручищами из рук «братана».

– Куда, а ну назад! – закричал он не своим от натуги голосом, поскольку «братан», ничуть не уступая в целеустремлённости своему оппоненту, тащил одеяло на себя. – Не пущу, злыдень, ренегат! – Вдруг разошёлся не на шутку Гриня, отвоёвывая злополучное одеяло, и переходя от негодования на некий изысканный сленг разбушевавшегося, но порядочного «джентльмена».

– Сам ты гад! – огрызнулся я, окончательно разбуженный всколыхнувшейся на моей территории драмой и... отпустил одеяло. Шайкин танцевально взмахнул руками, не совладав с предательским принципом земного притяжения, и навзничь грохнулся на пол, создавая неслабое подобие разорвавшегося в помещении снаряда.

– Ух ты! – Озадаченно выдохнул я, и, слегка помедлив, начал тут же, почти захлёбываясь, мелко сотрясаться от хо-

хота.

Гриня взглянул на меня снизу вверх, как «братан» на «ре-негата», чуть сдвинул брови в тщетной попытке осознать случившееся, потёр ушибленный зад, и, наконец, сокрушённо мотнув головой, неожиданно весело и добродушно захохотал сам. Затем поднял стул, поставил его на место, и снова устроился на нём, продолжая прерванную церемонию поглощения алкоголя.

– Слыхал, – продолжил тут же, как ни в чём не бывало, Гриня Шайкин, закадычный и неумный мой собутыльник, – американцы-то обещали Шварценеггера на Луну запустить, слышал?!

– Чем им Шварценеггер-то не угодил? – посмеиваясь произошедшему и наливая себе остатки из второй «чекушки» спросил я.

– Да ничем. Он, в газетах пишут, как в герои фильмов завербовался, так сразу на космос и попёр... Мол, хватит на Земле прохлаждаться, мол, пора и Вселенную в оборот брать, во как...

И Гриня, авторитетно причмокнув мясистыми губами, извлёк, как бы из ниоткуда, на свет божий следующую стеклянную пилюлю.

Пятый час не смолкала наша задушевная гульба, «соратников» по коммунальным радостям жизни. Подобно скатерти-самобранке стол, качающийся под нашей с Гриньком тяжестью, разгорячённых солидной долей ядовитого напитка,

с течением времени заполнился не только пустой стеклянной тарой... С беспрецедентной бесцеремонностью и полным безразличием к пирующим полчища рыжих усачей-тараканов шныряли в неразберихе колбасных шкурок и скопище хлебных крошек.

– Нет, ты скажи, скажи, мил-брат... – рьяно настаивал громоподобный Шайкин. – Какого-такого рожна они, эн-ти бабы, нас за людей не считают? А... ты скажи, скажи... ты отвечай, мил брат... – При этом он, по-снайперски точно, тыкал старой однозубой вилкой рядом с открытой банкой, где давно уже отсутствовали и шпроты, и масло, и даже любознательные тараканьи «носопырки».

– А чё тут скажешь, Гринь ... – с мягкой безучастностью отвечал я. – На то они и лучшая половина, штоб нашей, другой половине, значит, навреде, как в утешение... ик... и радость быть... Потому как скука в жизни перво... ик..., – я деликатно прикрылся ладошкой, – первостепенная без них...

– А ты не увиливай, не увиливай парр-и-нёк... Тож мне фил-л-асофию развёл, бабами жизнь утешивать... Ишь, ч-чё прид-думал, братуха... – Гриня перестал вдруг бомбардировать вилкой злополучную неподдающуюся банку и медленно скосил на меня и без того не шибко сфокусированные карие глаза. – Я б их, ж-ж-жуликов, ни в какую даже разведку не взял, во-о как!..

Я, который к тому времени в отличие от своего сотрапезника далеко ещё не исчерпал все свои «лимиты трезвости»,

тоскливо вздохнул и посмотрел на стенные, довольно сносные, по сравнению с общей обстановкой, часы.

– Я, Гриня, знаешь, поубрался бы тут уже, приготовился к завтрашнему дню... Работа, знаешь... Нам с тобой завтра рано... знаешь...

– Да ну её! – Неожиданно трезво вымолвил Гриня, встал со своего места, как бы желая продолжить разговор стоя, и не найдя, что добавить в горизонтальном положении, вновь принял достойную сидячую позу.

– Я, вообще-то, во чего заходил, брат... Я, ведь, того... обжениться решил, семью хочу... Как у людей, шток чинчинарём, хозяйство шток того, по правилам... – сделал он, никак не вытекающий из общего смысла беседы, вывод. И ничуть не смущаясь алогичностью своего странного резюме, добавил: – А ты, Вань, шофером шток на свадьбе, а, Вань?..

– Шафером? – деревянно переспросил я, изрядно изумлённый услышанным, и уже по-другому, с искренним соучастием и дружеской заботой, поспешил заверить: – Я всегда! Только...

И ещё раз внимательно взглянул на друга, как бы желая удостовериться в реальности сказанного Шайкиным.

– Только... я это... на ум не возьму... кому ты себя сватать будешь?..

– А какая хрен разница – кому! – бодро отрапортовал Шайкин. – Им, бабам, волю давать, – стро-о-го воспрещается! Я тебе, браток, ещё, так скажу: надумаешь обжениться, –

пальцы им в пасть не клади! Обженивайся завсегда буквально по собственному зову души... Понял кому!!! – закончил он свою красноречивую тираду эмоциональным выплеском из той самой души, о которой так неуклюже, но трепетно выразился.

**В
общем,**

Глава 2

Я сел на своей постели, свесив ноги и смутно припоминая сон.

Сон был необыкновенный: необыкновенно яркий и необыкновенно красивый. Во сне цвели роскошные огромные цветы невиданных форм и запахов. Удивительные животные бродили в зарослях этих цветов. А я легко плыл во сне над всем этим великолепием и растворялся в неземном блаженстве нахлынувших на меня чувств.

Тёплая и ласковая волна, словно в детстве, окутывала мой полёт, и ничего более не нужно было мне от всей моей жизни, кроме этого счастливого и потрясающе прекрасного сна.

С высоты птичьего полёта местность смотрелась какой-то необыкновенно цветистой, обозначенной ровными квадратиками семирадужной расцветки. Пространство купалось в необычайно прозрачном и лучистом воздухе вокруг. Я вспоминал, как меня невесомо влекло и обхватывало тёплыми, ласковыми ладонями высоты, как мягко опускало моё тело всё ниже и ниже так, что уже без труда можно было различить и кукольно-опрятные очертания дворцовых стен, и почти игрушечные извивы водных канальчиков. Я видел удивительных животных, мирно разгуливавших среди ланд-

шафтов и замков этого волшебного мира, маленьких человечков в одеянии гномов, снующих взад-вперёд по тропкам и дорожкам, вымощенным разноцветными камешками. Свободно и радостно плавая в солнечной вышине, я как бы заново рождался снова и снова, каждую секунду проживая целую бездну всевозможных эмоций и чувств, – от едва ощутимой волны восторга до ошарашивающего своей космичностью состояния полного блаженства...

Я покрутил головой и осторожно покосился на выдавший виды, старый платяной шкаф с единственным в комнате зеркалом, в котором незамедлительно отразилась моя заспанная, недоумённая физиономия... И медленно, крайне медленно, чтобы не спугнуть роскошное в своей абсурдности и необъяснимости сновидение, – медленно, как только можно, – опустился на подушку с тайным желанием вернуть обратно столь изысканный и неоправданный подарок судьбы.

Но сон никак не вызывался к повторному общению, как я ни старался.

...И провалявшись, проёрзав и промучившись неоднократно попытками заснуть, мне всё-таки пришлось сдаться на милость обыденной жизни...

Я встал и пошёл на кухню заваривать чай.

Чайник, воинственно пошипев в пространство коммунальной кухни, затих, когда я его перетащил на другую часть газовой плиты. Я попрыгал, тряся слегка обожжённой рукой, и чуть погодя выключил горящую магическим синим огнём

конфорку. За окном в грязных подтёках от прошедшего дождя скупо сияли уличные фонари. Ночная влага, казалось, проникает и сюда, на кухню, борясь за власть с моим вскипевшим чайником. Я, закончив махать покрасневшими от небольшого ожога пальцами, поёжился, достал с полки любимую вместительную кружку и налил кипятка. В этот раз пришлось воспользоваться слипшейся от предыдущей уборки стола кухонной тряпкой. Обожжённые пальцы неприятно покалывало, но глоток чёрного, со свежей заваркой чая, согрев мои внутренности, полностью компенсировал неприятные ощущения.

Так что ни местные мелкие муравьи на стенах, ни более крупные рыжие тараканы, кое-где перебежавшие по территории благословенной кухни, никак не повлияли ни на божественный вкус чая, ни на моё возбуждённое ночным сновидением сознание.

Что я ну никак не мог взять в мою буйную башку, так это откуда, из каких таких дебрей ума могло явиться ко мне это роскошное сказочное сновидение?.. Ко мне, Ваньке Барашкину, зауряднейшему парню, зарабатывающему свои «кровные» в местной жэковской столярке? ... А??

В очередной раз поёживаясь от холода и продолжая задавать себе всё тот же мудрёный вопрос, я таращился на своё оконное отражение, видя только собственные взъерошенные рыжие кудри, многочисленные веснушки во всю «фотографию» да утреннюю синеву над нашим «Задрыпинском», не

дававшую мне ровно никакого ответа...

«Эх, Барашкин, Барашкин... Как был ты недотёпой из квартиры № 6, так и остался... А то всё фантазёрствуешь о разном несусветном, а сам без роду-племени да и рождён не ко времени, олух Царя Небесного...» – с трудом додумал я мысль, а после только и сумел, что с вялой полуулыбкой построить себе рожу и показать язык...

– Чё-эт, ты тут харю кривишь, Ваньша?.. – образовался в кухонном дверном проёме мой единственный на всём свете друг и собутыльник. Я лишь нехотя бросил взгляд на его персону за моим плечом, но разворачиваться не стал, а просто коротко кивнул и остался стоять почему-то с высунутым всё ещё языком.

– Чё, говорю, у тя с мордой-то, а, братуха? – снова, как филин из дупла, ухнул мне верзила. – Чё, а? – Я опять не удостоил моего другана вниманием, Гриня же взял в свою лапищу подвернувшийся по дороге табурет и авторитетно водрузил на него свою впечатляющую фактуру.

– А ты, Гринь, когда последний раз сны видел? – поинтересовался, наконец, я. – Цветные, Гринь...

Ну, а теперь

Глава 3

Мой палец на курке лежал деликатно и осторожно, подобно первому ласковому прикосновению к девичьей попке. Глаза привычно цепляли мишень, в роли которой в этот раз выступал пожилой китаец-миллиардер с благородным живописником под расстёгнутой русской шинелью и великолепной шёлковой мужской сорочкой навывпуск. Никто не знал почему Ши Хо любил появляться в России именно так, в таком экстравагантном «прикиде» да ещё и во время особо торжественных случаев. Многие ломали над этим фактом свои мудрые головы, но тщетно, мне же «исполнителю», знать это было тем более ни к чему, как говорится, ну совершенно по барабану... Поэтому улыбаясь ехидной улыбкой вслед своей полной пофигишности по этому вопросу, я просто держал «дядю» на прицеле и готовился отправить его по небесной дороге Дао ко всем праведным занебесным Патриархам.

Я привык максимально замедлять время в такие моменты и с наслаждением отслеживал почти рапидные, как бы заторможенные, жесты китайца. Чёрнокостюмная охрана вокруг него довольно комично вертела своими лысыми «бестолковками», видимо, претендуя на сверхчеловеческие бди-

тельность и профессионализм...

Мощное тело Ши Хо плавно дёрнулось и по-детски трогательно стало заваливаться навзничь. Люди в чёрном, как по команде, вдруг засуетились, удерживая его от быстрого падения, но весовые категории, понятное дело, не оставляли шансов на успех...

И вся масса человеческих тел синхронно рухнула наземь.

Я вообще считаю, что оставлять оружие на точке отстрела, – свинская вещь. Оружие, по-моему, абсолютно живое существо со своими абсолютно неповторимыми чертами характера и внешним обликом. Взгляните, к примеру, на это цевьё с плавным изгибом бедра, на изящный курок, на деликатную планку прицела или, наконец, на целомудренное в своей прямоте, с царской осанкой, дуло... Несомненно, у любого оружия есть своя неповторимая красота, своя Душа.

Я не убегал, а степенно спускался по запасной лестнице между этажами высоты... На мне – элегантный в мелкую тёмную полоску костюм, чёрные кожаные, начищенные до блеска, туфли, и... футляр за спиной, – от контрабаса, разумеется. Дойдя до стоянки своего джипа, я отключил сигнализацию, аккуратно поставил в багажник футляр, сел за руль и выехал из гаража. На улице шумно бегала полиция, и десятки иномарок спешно разворачивались в разные стороны, застревая в уличной суматохе всё больше и больше. Кого-то тормозили на месте, кто-то сам истошно требовал через полукрытые стёкла полной безопасности от «наскипидарен-

ных» стражей порядка. Плавно выворачивая направо в улицу, я кивнул улыбнувшемуся мне навстречу капитану полиции, который цепким взглядом уже оценил по достоинству мои государственные номера...

Наконец-то, я могу снять концентрацию с задания, и одной рукой вести мою полутонную «малышку», а другой набирать по «айфону» другую, – не менее привлекательную и дорогую «куколку», но значительно (55 килограммов) более лёгкую по весу модель из «питомника» Вячеслава Зайцева.

– Алло! Котик, это ты? – томно раздалось в наушнике. – Твой пупсик, тебя потерял...

Я даже почувствовал, как надулись её аккуратные пухлые губки на выточенном, словно рукой скульптора личике. – Не надо так волноваться, пупсик! Прыгай на сексодромчик и жди котика. Он неизбежно придёт в твои объятия, неизбежно как (я хотел сказать «смерть», но не стал пугать милашку терминами кодекса бусидо) сама любовь, киска!.. – Улыбаясь скорой будущей реальности моего сегодняшнего вечера, и предвкушая тёплое податливое тело на своей груди, я ещё раз, не без удовольствия, представил себе качнувшегося от выстрела миллиардера-китайца и увидел его мёртвым, распластавшимся посреди своей охраны на мокром от крови асфальте...

Ох, как же я люблю свою работу!.. Для меня это сплошное удовлетворение всех своих мужских самых эгоистиче-

ских эмоций... Ещё в «учебке» воздушно-десантных войск я с восторгом осознал своё истинное предназначение в этом мире.

Быть ассенизатором людских пороков и грехов путём беспощадного устранения их из земной юдоли.

Это ли не величайшая цель, достойная Гражданина социума?.. Это ли не путь истинного самца среди желеподобного большинства современных мужчин?! Настоящий праздник бытия в том и заключается для подлинного воина, что в сансаре обычных дел обычных людей: жить и действовать в формате почти оргазмического чувства предела, на пике эмоций жизни-и-смерти.

Шелковистое тело моей подруги под моими пальцами звучало наподобие флейты в руках опытного самурая...

Переворачиваясь на спину, моя крошка стонала, почти пела, а на боку раздражалась целым каскадом призывов и сексуально-прочувствованных нот удовольствия. Я игриво и страстно ласкал и ласкал её, как царицу, как божество поднимал над собой на вытянутых руках, и, опуская к себе на мощный тренированный торс, нежно и бережно осыпал лепестками своих поцелуев.

Аллилуйя великому Космосу и всему мирозданию невидимых и могучих животворящих сил! Аллилуйя вечному движению возрождения и гибели в Существовании!.. Я безумно люблю тебя, моя жизнь! Я возношу тебе свои самые истовые искренние восторги, моя будущая смерть! Ибо

жизнь даёт мне всё великолепии состояний, которые с неизбежностью примешь ты из моих благодарных рук, – главный советник и наимудрейший наставник на пути – Смерть! Так живёт самурай, так живу и я – великий гурман, опытный воин, искуснейший любовник и Поэт по сути своей – Остап Добрый.

А теперь, опять же,

Глава 4

...Я вновь парил над удивительной сказочной страной. Видел торопящихся куда-то маленьких человечков, извилистые водные каналчики и разноцветные аккуратнo-кукольные земли. Все домики местных жителей оканчивались островерхими куполками из красочной черепицы. Наверху куполов были изображения диковинных зверей и птиц, по видимому, из чистого золота.

«Блин», – подумал я, – «и до чего же блескучие эти украшательные железячки из золота!.. Вот бы Гриня разрадовался!..» Я довольно близко оказался от куполов и не отказал себе в удовольствии осторожно прикоснуться к ним. «Железячки» были обычными флюгерками и слегка покачивались, крутясь на ветру. Я спланировал ниже и оказался вровень с верхушками огромных растений похожих на наши лопухи. Удивительные побеги этих красивых зелёных гигантов царственно возвышались среди роскоши здешней флоры. Шаровидные кроны одних растений, многоконечные пышные кустики других, яркие цветы и невообразимых очертаний листья, изящные изгибы ветвей и плавные каскады как бы застывших волн зелёной, оранжево-жёлтой, коричнево-бу-

рой, красно-розовой, иссиня-сиреневой и фиолетовой многоцветной массы не могли затмить этих колоссов на крепких, наполненных живыми соками, стволах. А их широкие стебли напоминали многочисленные автострады, по которым бодро сновали туда и сюда разнообразные маленькие существа. Их было так много и так целеустремлённо бежали они по своим делам, что казалось, это целое сказочное предприятие, типа огромнейшего вокзала или фабрики, – пыхтит, носится и трудится под неусыпным оком какого-то незримого начальника.

– Привет! – неожиданно раздался рядом мелодичный голосок, и я, вздрогнув, обернулся, чтобы разглядеть, кому он принадлежит, когда увидел её, эту маленькую, порхающую возле меня, крылатую, как стрекоза, девоньку...

– Привет, – повторило сверхпреlestное создание, – какой ты забавный! Наверняка даже не знаешь о наших правилах и законах, кто ты? Не знаешь о том, что в час ста солнц никто не должен отсиживаться среди наших экстрогонов, тем более беспосадочно висеть над ними! – беспрестанно стрекоча своими прозрачными крылышками, и беспрестанно хочоча, выпалила она. Причём, могу поклясться чем угодно, – маленького ротика она не разжимала совсем, хотя каждую фразу я слышал так же чётко, как «коммунальный» рёв тёти Глафиры по каждому возможному поводу.

«Это же «телепатия», – тут же пронеслось в моём воспалённом от фантастичности всего происходящего мозгу, –

«но святые угодники, как я могу знать и понимать это?!»

– Ладно, давай знакомиться, пришелец! – продолжила моя новая знакомая. – Я – Застра! А тебя как мне называть?

«Ну-ну, Барашкин, не будь таким занудой, ответь ей!» – подумал было я, и тут же осознал, глядя на хохочущую Застру, что здесь, в этом волшебном королевстве, разницы между «подумал» и «сказал» просто не существует.

– Ладно, Барашкин, не смущайся, у нас ко многому придётся привыкать, как в первый раз... – рассмеялась в очередной раз моя новая знакомая и вдруг, неожиданно шустро схватив меня за руку, вытянула за собой на один из широченных листьев эстрогона. Под нами плавно и безмолвно раскачивались яркие заросли всевозможных трав и цветов, как на дне таинственного и необозримого океана, но лист, на котором мы сидели, пребывал в какой-то особой безмятежной неподвижности. Вокруг по-прежнему кипела трудовая страда: крохотные существа разных видов и размеров уверенно перетаскивали на себе всевозможную поклажу из таких же разноцветных предметов, как и все остальные чудеса в этом чудесном мире.

– А теперь, Барашкин, я расскажу тебе о многих секретных вещах и законах нашей Светлозар... – продолжила хохотунья.

«Светлозар...» – медленно повторил я... и проснулся. Часы показывали ровно 6 утра.

«Све-т-ло-за-р... С-в-е-т-л-о-з-а-р... Светлозар...» – бу-

хало в моей голове на все лады. «Значит, этот снящийся мир, очень и очень может быть такой же реальный, как наш!» – всплыла тут же откуда-то озаряющая сознание мысль. Я сидел и смотрел, сидел и смотрел в одну какую-то точку на обшарпанной стене моей комнаты, тщетно пытаюсь свыкнуться с этим неожиданным событием, как с вполне естественным фактом. В продолжение вот уже полугода я неоднократно летал во сне над необыкновенно прекрасным местом, смутно отображая образы, приходившие ко мне ночью, что называется, при свете ясного дня, а тут...

А тут... Вдруг однозначно и явственно открыл для себя несомненную реальность другой, но такой же живой, как наша, – всамделишной, – жизни...

Ну, вот и очередная

Глава 5

На перекуре ко мне с заговорщическим видом подкатил Шайкин и, дёрнув за плечо, развернул к своему оживлённо-раскрасневшемуся лицу.

– Слышь, брательник! – сказал он мне, дыша перегаром со странным привкусом креветок, мужского одеколona и дешёвого пива. – Тутa у Митька с пятой квартиры намечается сабантуй! – закончил он доверительным шёпотом, не премигнув окатить меня очередной порцией своей убойной утренней отрыжки. – Пойдём?

– А нас чё, приглашали? – спросил я и опять развернулся к столярному, заваленному свежесрезанной стружкой, в рытвинах и порезах, станку.

– Не-е-е, – радостно затараторил мой «боевой» товарищ Гриня, – я те чё толкую: день варенья у его, – са-ба-н-туй. Потому приглашеньев не разносили, кто успеет, тот и поздравится. – И Гриня авторитетно щёлкнул себе указательным пальцем по подбородку, улыбнувшись мне всеми тридцатью двумя на зависть «голливудскими» зубами.

Не знаю почему, но на душе у меня потеплело, как будто торкнула под сердце предательски-слезливая надежда на

простую человеческую радость в кругу пусть не близких, но таких же, как и я, обыкновенных мужиков и баб. И хоть повезло мне, одному из них, «чудику» и неудачнику местного разлива Ваньке Барашкину, увидеть красоты инопланетного зазеркалья, я всё равно здешний гражданин этого мира, – и этому рад несказанно...

Грине же я ответил, что, мол, ладно, пошли так пошли, когда, мол, ещё гульнуть среди народа придётся... А Митьку я знаю и уважаю, почему не поздравить человека?.. Гриня же заверил меня, «што там-то он, в оконцовке, и надыблет себе достойную женскую половину... Што друзей по бабской части у Митька, реально навалом, будет и ему, Гриньку, ассортимент (вот прямо вот так, с ударением на «ти» – ассортимент), што харэ ему одному по свету шастать... И хоть есть у его закадычный дружба (то есть я, Барашкин), но над бы и честь знать, осчастливить, то бишь справную бабенцию своим поднесением рук и сердца да ожениться, стал быть...»

В общем, мест, как водится, оказалось у Дмитрия только на родню и самых лучших друзей (2-3 человека), в число которых мы с Шайкиным однохерственно не вписались.

И в достаточно сносных, тёмно-коричневых пиджаках и похожих друг на друга «стильных» неглаженных галстуках, что приобретались в комплекте с приличными, но белыми «бруками» у какой-то хохлушки с-под Кыева, мы оба очутились по традиции у меня, в «апартаментах», компанию которым дружно и составили: я, Гриня и... тараканищи.

– А всё-таки, правильный пацан Митёк..., – мечтательно изливал душу на второй «банке» водки Гриня. Смачно закусывая толстенным бутербродом из полбатона с нарезанным ломтиками сервелатом, а также «огуречиком, насоленным и наперченным (по авторскому рецепту Шайкина) по-братски, с двух сторон», предварительно избавленным им же от кожуры, он запивал и еду и питьё истинно по-русски, – очередной же банкой «Жигулёвского».

– Правильный, Ванёк, ей-богу, правильный, прям как ты, Ванёк!.. – Отчасти, мне даже казалось, что Шайкин Григорий Петрович – «плачет!»,- всхлипывая и пуская неуместную для бугая и горячую слезу умиления, которая неторопливо курсировала к его носу в состоянии, издревле известном старожилам нашей многострадальной Родины под метким выражением «развезло».

Глядя на него ко мне вдруг, почти до спазмы в горле, пришло откуда-то из глубин души страстное желание тоже излиться на Гриную своими сокровенными снами о чудо-стране Светлозарии... Но... Неимоверным усилием воли абсолютно нетрезвого для таких решений человека, я мужественно «созрел» никому, даже дружбану Грине, не выбалтывать такой тонкий, нежный и важный вопрос об... ух!.. ином мире... чем наш.

Тем более, что до сих пор так твёрдо и неколебимо возвышавшийся посреди моей комнаты Гринёк, как есть, скоренько и навзничь рухнув на пол, а затем, перевернувшись на бо-

ковую и по-детски подложив под щёчку кулак, гулко захрапел в ночи маленького городка, где-то на просторах большой и могущественной «сверхдержавы».

Я же, как уже неоднократно складывалось, уверенно добрёл до старенького шифоньера, достал подушку и одеяло, и аккуратно пристроил всё это для спонтанного ночлега своего приятеля. И уже потом только, развернулся к выключателю, потушил свет, чтобы после, не менее уверенно, добрести нетвёрдыми ногами до собственной лежанки, разоблачиться на сон грядущий и плавно завалиться в долгожданный сон, сон, сон...

Следующая, как Вы уже догадались, Глава 6

Хотя я и владею практически в совершенстве всеми возможными навыками единоборств, но, честно говоря, жутко ненавижу подходить к жертве вплотную...

Но тут случай не тот. Пусть и мало народу в коридорах этого «навороченного» заведения, – только редкие горничные да изредка резиденты номеров, – но действовать надо почти мгновенно, друзья...

Первый охранник, заподозрив недоброе в интеллигентном стройном «электрике» в круглых очёчках и синей рабочей форме, но всё же как-то неуверенно попытвшийся шагнуть ко мне, чтобы задать дежурный вопрос: «Чего, мол, ошиваешься здесь, не видишь, охраняем?», как подкошенный литовкой, рухнул на колени, и затем уже медленнее сполз по стеночке на отутюженную ковровую дорожку. «Второй» и «третий» даже испугаться не успели, – я отоварил их по полной программе излюбленными мной рубящими ударами по шее с добиванием ногами в «партере».

Неожиданное противостояние оказалась «мишень». Главный финансист компании проявил себя прытким парнем и,

рубанув воздух кейсом, видимо, пытаюсь зацепить им меня, не попав, но выиграв в расстоянии, рванул прямо к пожарной лестнице. В расстоянии, но не во времени... Я догнал, одной рукой перехватил кейс, другой сломал кадык и тут же свернул хлипкую шею.

С чувством выполненного долга, медленно стал подниматься по пожарной лестнице на крышу. В руке послушно покачивался кейс с тремя миллионами долларов в новеньких купюрах. За моей спиной шумно и мощно полыхал пентхаус.

Ох, ребята! И что же за красота эта моя работа!.. Выслеживаешь добычу, собираешь по мельчайшим крупичкам ценнейшую информацию о «цели». Постоянно тренируешь тело, готовишь оружие, вычисляешь выгодную позицию исполнения, маршруты ухода и все возможные варианты действий, устраняешь потенциальные препятствия и терпишь всяческие порой случайные, порой предполагаемые обстоятельства... А потом раз! Пять-шесть секунд... и задача решена: уже ничто не влияет ни на мой отход, ни на состояние жертвы... Я – профи, друзья, в своём деле! Ну, что тут скажешь... Я лучший!!!

– Эй, придурок! Ноги в руки и вали отсюда: забирай тачку, перегородил тут, понимаешь, все пути. Людям ехать надо, а из-за твоей телеги два часа здесь ошиваемся... – трое бугаёв недружелюбно бычились в мою сторону, а говорящий, размахивая лапами и громко сопя, намеревался, по всей видимости, от угроз перейти к моему «воспитанию».

И хотя он наворотил уже на свою голову кучу косяков: ненавижу, когда хаот моего ненаглядного боевого друга, мой старенький и верный Escalade, а тем паче неблагоприятно брешут о времени (время я почитаю как Бога, а, может, оно и есть БОГ?), «процесс» в пентхаусе длился считанные секунды, – я, мои дорогие, был на работе... И мне, как суперпрофессионалу засвечиваться было ни к чему, ох, ни к чему. В общем, сняв свои солнцезащитные очки и сыграв в полного, виновато улыбающегося лоха: всякие там «извините», «простите», «я совсем неожиданно задержался у консьержки» и прочая, прочая, прочая чушь, я шустро впрыгнул за руль и убрался восвояси с платной наземной стоянки недалеко от отеля.

Но... Харю я твою, неумный бродяга «срисовал», как истинный художник, весело и непринуждённо, со всеми запоминающимися деталями: нос картошкой, лысую бульдожью башку и наглые, узкие, светлые пороссячьи глазки, – навечно, – будешь в компьютере моей памяти маячить одним из первых. Ни зла, ни добра в этой жизни я никогда не забываю, ух, никогда! Я ведь профессионал, о Господи!..

И уже в мягкой, жаркой постели, оттачивая своё сексуальное мастерство на очередной «кошечке», жадно лаская виртуозными пальцами её зад и «киску», плечи и спинку, я так истово отдавал девичьим чреслам весь пыл неутолённой душераздирающей мести, что бедная «моделька» подо мной, изнемогая и вибрируя всем своим длинным телом, чувство-

вала себя, по-видимому, настоящей живой наковальней под напором моего довольно чувствительного молота.

И потом, когда мы сидели с ней в моей вместительной тёплой джакузи, она томно водила пальчиками мне по груди, будто выписывая великий девиз мудрецов всех времён: «И это пройдёт!», словно желая подсознательно заглушить мою давнюю душевную боль от смерти родителей по вине вот такой же тупой, мерзкой и бессмысленной рожи...

А вот тут как раз

Глава 7

– Значит так, – говорила Застра своим тоненьким мелодичным голоском, – первое правило, где бы ты ни был и что бы ни делал в нашей Светлозарии: всегда быть готовым встать на защиту любого её жителя от посягательства враждебных сил Заоблачья. Второе...

– Погоди, погоди, Застра, – перебил я, – в прошлый раз ты говорила, что из Заоблачья нападают только в тех случаях, если к вам, как я, сначала проникают незваные лазутчики, да и то, когда их не заметят ваши боевые колокольчики и птицы-воины. Кстати, я ещё не видел ни тех, ни других...

– Да, ты их и не мог видеть. Ты же не лазутчик, а друг... – просто сказала Застра. – Тем более не замечают лазутчиков специально, когда хотят, например, узнать с какими намерениями они здесь оказались, чтобы потом Светломудр мог с уверенностью менять защитные лабиринты нашего мира. А второе...

– Но я и Светломудра не видел. А кто это? – опять перебил я.

Застра расхохоталась:

– И какой же ты всё-таки забавный, Барашкин!

Потом продолжила назидательным тоном, как ни в чём не бывало:

– Не перебивай, пожалуйста, пока я не договорила. Да и вообще никогда никого не перебивай, это страшно невоспитанно, Барашкин. Ведь кто захочет делиться мыслями с тем, кто постоянно перебивает других на каждом слове! – снова хохотнула она.

– Так я продолжаю? – строго посмотрела на меня Застра, но вдруг булькнув смешком от осознания своего же собственного «учительского» настроения, начала мелодично хохотать, сотрясаясь и забавно раскачиваясь всем своим хрупким тельцем из стороны в сторону.

Дождь за окном нудно и безостановочно моросил из небесной лейки на пузырящуюся водой землю...

Вот уже много нескончаемо-прекрасных ночей я посещал в своих снах Светлозарию и всё ну, никак не мог привыкнуть к тому, что это не грёзы, а вполне реальный мир со своими особыми многочисленными и разными обитателями. Я многое уже постиг благодаря Застре и своей раз от разу обостряющейся наблюдательности... Я уже довольно неплохо освоился со многими правилами посещения Светлозарии. Знал, например, как находить нужное место приземления и не спугнуть маленьких существ – светлозарчиков, в какой момент и как можно остановить покачивание широколистных латуний или прокатиться по «автострадам» могучих эстро-

гонов, царственно возвышающихся над зелёными просторами Светлозарики.

Понял я и то, насколько хрупкой и почти незаметной может быть граница между сном и явью, когда снимая стружку с очередной доски в столярке, я забылся грёзой на несколько секунд, и чуть не угодил руками в крутящийся диск пилы...

Мне пригрезилось, будто мы с Застрой проводим очередную экскурсию по волшебному парку гигантского разнотравья и гуляем среди похожих на наши одуванчики, роскошных пушистоголовов, которые имели чудесную способность звенеть на ветру. И заслушавшись их мелодичных перезвонов я почти угодил, носом в нос, пролетающей мимо многокрылой и глазастой порхатки...

– Ты чего Барашкин? – тряс меня за плечо перепуганный до смерти Гриня.

Стоявший рядом с ним начальник столярного цеха Узюмов Николай Николаевич молча и угрюмо держал меня за правую руку, чудом избежавшую «казни» от механического устройства пилы. Он только покачивал крупной в седых кудрях головой, сокрушённо и участливо заглядывая мне в глаза своими влажными раскосыми глазками. Наконец, благополучно собрав в кулак всю свою матёрую, выдавшую виды, руководительскую волю, он тягуче и тоскливо выдал своё заключение: «Вам бы сукины д-дети с Шайкиным п-п-пить поменьше...» И уже, не оглядываясь в нашу с Гриней сторону и держась левой рукой за сердце, пошагал к себе в

кабинет, слегка покачиваясь от перенесённого по моей нелепой вине стресса. Шайкин перевёл тяжёлый взгляд со спины начальства на меня, безучастно и тихо стоящего рядом, и тоже покачал головой, но только уже моей, трясая нещадно за воротник рабочей куртки с названием нашей организации «ЖилКомНарСервис» (Жилищно-коммерческий народный сервис).

– Тебе што, хренов п-паразит, жить н-надоело?! – выдал он почему-то визгливым фальцетом, видимо, из уважения к Узюму, а может и от перенесённого шока, тоже заикаясь и краснея одновременно.

А меня вдруг пробило на «ха-ха» до такой степени, что я просто завалился на Шайкина всей своей семидесятипятикилограммовой массой и затрясся в хохоте на его плече от нестерпимого абсурда происходящего. Шайкин деловито отцепил свои лапищи от моей шеи, аккуратно разгладил мне воротник и, бурча себе под нос витиеватые ругательства, поплёлся восвояси.

А я опять увидел внутренним взором чудные ландшафты, вереницу пёстрых и разноликих растений с потрясающим воображение переливом красок и оттенков цветов, потоки маленьких существ на их кронах и чудную, бесконечно чудную улыбку милой моей Застры, великолепной проводницы по волшебным краям Светлозарии...

Глава 8

Хотя за окном кабинета начальника подразделения «Уг-Ро» по особо тяжким преступлениям Виктора Соловья кроме обшарпанной красной стены ничего не наблюдалось, он, тем не менее, сосредоточенно и нереально долго, вот уже битый час, в упор, рассматривал этот нехитрый пейзаж...

На самом деле, перед внутренним взором матёрого «следака» и легенды сыска, плотно и без остановки проходили стройные ряды его успешных дел. Многие десятки жутких и особо тяжких преступлений...

Но то, с чем он столкнулся сейчас, превосходило по изощрённости и наглости их все. Среди бела дня, вот уже который раз, с особой циничностью и самоуверенной дерзостью некий «тип», очень, надо признаться, расчётливый и хитрый тип, уничтожал потрясающе красивых женщин и самозабвенно «обставлял» места преступлений на манер погребения царских особ древности.

Причём им, этим «мастером, мать его... ритуалов», всё производилось с безупречным знанием культурных традиций древности. На эту неожиданную сторону дела обратил внимание Соловья специалист по вопросам древних цивилизаций и его закадычный кореш ещё со школы, Козьма Дмитрич Кузявин.

Сидя на днях в арбатской «Праге» за бокалом «Crystal Louis Roederer» на пару с Козьмой по случаю 23 февраля, Соловей как-то обмолвился о своём последнем «головняке» и вкратце поведал другу некоторые детали своей работы. Митрич с интересом выслушал излияния «следака» и вдруг легонько хлопнув его по плечу, сказал своим бархатным барским голосом:

– А послушай-ка, Соловушка! Подопечный-то твой – Мастер!

– Это в каком-таком смысле?

– Ну, я имею в виду, стиль у него осмысленный, прямо профессиональный даже. Не заметил?..

– Чёт, я никак в башку не возьму. Ты о чём?..

– Ты же сам говоришь, всё как на картинке было: свечи вокруг кровати, пентакль, то есть звезда в круге мелом на полу начертана, фимиам...

– Чё?

– Ну, запахи, запахи... вокруг.

– А, ну это...

– Так вот. Очень похоже на то, что не простой здесь человек работал, особенный – со знаниями, со вкусом. Понятно? Артист. Художник.

– Действительно... Как же я раньше об этом не подумал?

И теперь выстаивая у окна, будто в парадном карауле, почти без движения, Виктор Соловей со всей очевидностью осознал правоту слов друга, – дело было действительно

непростое, прям-таки из ряда вон выходящее...

Глава 9

Дракон стремительно и виртуозно снижался прямо в нашем направлении с Застрой. Я моментально струхнул, но видя беззаботную улыбку моей спутницы, постепенно начинал приходить в себя.

Огромное серебристо-зеленоватое тело волшебной рептилии, извивавшееся на высоте кучного разноцветья перистых облаков, казалось невозможным чудом природы. И мне, совсем не привыкшему к подобным явлениям, было почти дико видеть эту волшебную махину, так открыто и ошутимо парящей почти перед моим носом.

Дракон нырнул ещё раз крупной ушастой головой к нам, вниз, и мягко пружиня на мощных лапах, ловко и грациозно просунулся сквозь плотную листву всем своим чешуйчатомалахитовым торсом. На удивление по-доброму ласково и мудро светились его миндалевидные глаза. Ощущалась какая-то безграничная сила и спокойная добрая воля во всём его существе, выразившемся в этом воистину человеческом взгляде. Я тут же вспомнил единственную фотографию отца и матери, которых я никогда не видел живьём, и которую мне когда-то передала, умирая, моя бабушка. С этого фотоснимка на меня всегда смотрят с таким же вот благодушным и приветливым вниманием мои родители.

Дракон между тем подмигнул Застре и она по обыкновению мгновенно расхохоталась. Особенно её смешило моё сверхзадаченное и вместе с тем по-настоящему зачарованное выражение лица. Я начал оглядываться по сторонам, опасаясь, что прилёт гиганта вызовет нешуточную реакцию обитателей здешних мест. Но они, как ни в чём не бывало, продолжали свои обычные сказочные мероприятия, будто совсем не замечая появления удивительного гиганта.

– Барашкин! – певуче обратилась ко мне Застра. – Ты зря волнуешься: Светломудр видим лишь тем, для кого он является в данный момент времени. Остальные, будь они у него и под носом, никогда, ни за что, без его собственного хотения, даже не подумают о его присутствии, о том, что Светломудр может находиться совсем рядом с ними.

Я в конец потерялся от такого известия. Тот, о котором почти шёпотом, с необыкновенным почтением и благоговением говорила мне Застра, преспокойненько жевал неподалёку от нас зелёную сочную мякоть древесных великанов, и, казалось, совсем не заботился ни о моём необычном здесь присутствии, ни о том, что разговор шёл практически о нём, да и вообще, судя по всему, и не собирался ни о чём заботиться в этом мире, кроме пожирания листвы могучих папортов.

– Послушай, Застра! – почему-то шёпотом заговорил я, – Но ты же сама мне рассказывала, что будто бы великий Светломудр есть могущественнейший правитель всей Светлоза-

рии... А сейчас получается, что это на самом деле огромное чудище с человеческими глазами, которое, громко чавкая, уплетает обыкновенную... ну, в смысле питается зелёной листвой, как простая, какая-нибудь гусеница... А??

Застра недоумённо посмотрела на меня, потом на дракона, потом снова на меня и вдруг прыснула фонтаном дробного и заливистого смеха.

– Э-эх, Барашкин», какой ты, в самом деле, глупоня-я-я-я! Когда Светломудр преображается в эту форму, которую ты видишь, конечно, он будет и листву кушать и по небу летать! Ну, а когда поймёт, что время настало... вот тут и покажется другим, более для тебя удобным существом. Понял?! – её раскосые глазищи «буравили» меня с безудержным упорством, и я сдался.

– Ну, хорошо, Застра... а можно с ним, ну, это... поговорить... – я запнулся.

– Хочешь, чтоб я спросила?

– А что, договоришься?..

– Посмотрим на твоё поведение, Барашкин!

– А что я не так сделал?

Застра расхохоталась. Приняв, наконец, заговорщический вид, она объяснила, что, несмотря на свой вполне дружелюбный вид, Светломудр о-о-очень строгий правитель, хотя и справедливый. Поэтому нужно многое понять и сделать перед тем, прежде чем он соизволит снизойти до простого смертного. Я мысленно загрустил, но сначала всё-та-

ки решил узнать на каких условиях может «снизойти» добрый волшебник до такого «смертного», как я. Но как только я собрался задать несколько вопросов по этому поводу Застре, раздался едва слышный звук ровного дыхания над моим ухом и, оглянувшись, я обомлел...

Лоб в лоб, морда к морде, на меня, в упор, смотрели красивые, умные, добрые глаза летающего змея Светломудра...

Нежданная встреча на стадионе

Глава 10

Я ускорился на последних ста метрах своего трёхкилометрового кросса и финишировал, накатиком добежав до своей бутылки с водой и белого махрового полотенца во втором ряду зрительских скамеек стадиона. Разгорающееся утреннее солнце над моей головой начинало припекать, и было невероятно приятно облить себя прохладной струёй из горлышка бутылки, так что юркие ручейки проворно потекли по шее и торсу, как бы сбивая со своего пути капли обильного пота...

– Добрый! Остап! – Девушка, улыбаясь и перепрыгивая ступеньки, легко преодолевала расстояние между нами. – Ты давно здесь? – Она явно не скрывала радости от встречи, и мне это по-хорошему льстило, ведь Наташа, моя соседка по подъезду нашего элитного дома, искренне симпатизируя мне, всё-таки была примерной женой своего высокопоставленного мужа и матерью троих замечательных детишек. А помнится даже в далёкие школьные времена, я с плохо скрываемым восхищением наблюдал за этой совсем юной тогда девчушкой из начальных классов, где я заканчивал с золотой медалью десятый выпускной класс...

Не скрою, в моих эротических фантазиях эта спортивная грациозная молодая женщина занимала не последнее место. Хотя дальнейшая служба в армии, долгие годы обучения в Японии и контрактные командировки по всему миру создали непереходимую пропасть между нашими судьбами.

Вернувшись в Москву и заимев шикарную квартиру в пентхаусе элитного жилого комплекса, я однажды поздним вечером столкнулся неожиданно со всем её многочисленным семейством в скоростном лифте нашей высотки...

– А вижу, вижу, давно... – тут же ответила она сама на свой вопрос и застенчиво рассмеялась, указывая подбородком на мою влажную и ритмично вздымавшуюся грудь. – Опять наматывал круги с утра пораньше? – спросила она снова и снова же, уже гораздо увереннее, беззаботно рассмеялась, мелодично и волнующе.

А мне в очередной раз при встрече с ней представилось, как я отбиваю её от многочисленных наёмных убийц и затем после этого впечатляющего спасения действие переходит на мой жаркий и внушительный сексодром...

Она что-то ещё бойко лепечет и посмеиваясь говорит дальше, а я всё смотрю и смотрю на её мягкий, зовущий в неизмеримые пространства радости и секса, рот...

– Что ты говоришь насчёт будущего отдыха в Греции?.. – я с трудом переключаюсь к обыденности брэнного существования.

– Я говорю, милый Остап, что в Греции, куда мы всей се-

мьёй едем на отдых, таких как ты обычно изображали в многочисленных скульптурах богов и героев, а ты тут обитаешь и не подозреваешь, какой популярностью пользуешься в тамошнем мире... – она улыбнулась.

Терпеть одно её такое волнующее присутствие, а тем более комплименты, у меня уже не хватало никакого самообладания, и я решил поскорее раскланяться.

– Наташа, ты очень любезна, и мне это безумно, безумно приятно... Но, к сожалению, уже бегу, опаздываю на работу. Обязательно поболтаем в следующий раз. – Я перекинул полотенце через плечо, дружелюбно подмигнул ей, и поспешил на «работу».

Тем не менее, я всей своей, тренированной долгими упражнениями на сверхчувствительность, спиной ощущал её тёплый милый взгляд, которым она провожала специалиста по пиар-технологиям, бизнесмена и спортсмена, принимая мою «легенду» за меня самого, не имея никакой возможности приблизиться ко мне истинному... А жаль... очень, очень жаль.

Глава 11

– Да, ладно тебе, Барашек, придуриваться! – пылко пытался усовестить меня Гриня. – О каком таком настроении можно базарить, когда «чекушечка» слезливая тебя дожидается... – И Шайкин решительно и безапелляционно потянулся к моей руке, схватил своей широкой пятернёй мою менее внушительную пятерню и выволок меня на свежий воздух из мастерской.

Я без сопротивления подчинился, но выйдя из помещения нашей задрипинской столярки, вдруг резко рванулся из «заключения» цепкой руки Грини Шайкина и отбежал на безопасное расстояние.

– Ты чё? – оторопел закадычный собутыльник, – белочку подхватил чё ли или чё?

Я не ответил, а только вяло мотнул головой и поплёлся восвояси, но с Гриней не так-то легко было разделаться, тем более, что идти всё равно приходилось в одинаковую сторону. Тяжело дыша, мой «боевой однокашник» догнал меня за углом следующей барачной двухэтажки, около сараек, и, пристроившись у моего правого плеча, нога в ногу и не говоря ни слова, пошагал, как ни в чём не бывало, рядом.

Мы прошли мимо длинного забора из копьеобразных железных прутьев вокруг средней общеобразовательной шко-

лы №22 на окраине города, потом, завернув на проулок, соединяющий дома частного сектора и основной части города, протопали по его засыпанной крупным гравием широкой и пыльной дороге для всех видов движения и, наконец, вырвали к городскому парку культуры и отдыха имени Красных Коммунаров, возле которого и притулилась наша сталинская трёхэтажка.

Погода между тем по-матерински любвеобильно осыпала мир нашей малой родины щедротами первых шагов осени. Широкими волнами тепла мягко обрушивались из синевы небес солнечные потоки вечернего света. Первые и хорошо заметные цвета будущего сочного макияжа длинноствольных красавиц лип, берёз и осин кокетливо красовались на виду проходящих мимо местных жителей...

Колоритным карнавальным костюмам могучих лесных массивов и прощальным песням перелётных птичьих оркестров в недалёком времени ещё предстоит затуманить души предвестьем надвигающихся сумерек долгой зимы. А сейчас, даже лето всё ещё гостит на великом раздолье своего бывшего земного хозяйства... Ему дана последняя возможность попрощаться до второго пришествия с каждым деревцем, и ручейком, и паучком, растянувшим струны своей беззвучной арфы перед скорым уходом в небытие.

– Красота-то какая... Красотища, Ваньша! – выдохнул Шайкин от избытка всех чувств, когда мы остановились на пригорке перед домом. С него открывалась широкоформат-

ная перспектива реки и равнины за ней в многочисленных перелесках, и полях с уборочными машинами на них, и открытым пространством всё и вся примиряющего неба в золоте убывающего солнца со свитой белых, розовых, чуть багровеющих и тёмно-сизо-лиловых облаков.

Я посмотрел внимательно на восхищённую физиономию друга, на круглые маленькие глазки в густом оперении рыжих и жёстких ресниц, на всегда розовые, в ямочках просто-душной улыбки, щёки бугая и коротко, но веско сказал:

– Гриня, сегодня мы пить не будем! Да и ваше, брат Григорий, я, похоже, с этой пургой завязываю – навсегда! Да и тебе, Шайкин, настоятельно советую! – сказал, как отрезал, да ещё и воздух рубанул ладонью перед собой для пущей важности. – Вот!

Гриня беспомощно таращил глазёнки, заодно разинув на меня огромную пасть.

– Погодь... А чё эт такое: н-а-с-т-а-я-т-и-л-ь-н-о... Чё, чё советуишь?!

Глава 12

Сегодня убивать не хотелось... Но заказ был крупный и очень важный. Готовился я к нему долгих два месяца, по крупинкам собирая всю возможную информацию, связанную с объектом ликвидации.

Человек, которого предстояло «убрать», был видным международным деятелем в направлении разработок по новейшим видам вооружения стратегического назначения. Охраняли его сверхсекретную персону изысканно и мощно: два взвода солдат из корпуса быстрого реагирования минобороны страны, два солидных и крутых дяди личной охраны президента, близкий друг цели и хорошо мне известный «спец» по тактике контртеррористических операций международного уровня.

Было пасмурно и склизко на душе, как в прокисшей сметане. Но навыки взывали к действию, дождливая погода была тёплой и безветренной, так что технически я находился во всеоружии своей великолепной формы и видимых препятствий к осуществлению более чем серьёзного заказа не наблюдал.

Выглядел я экзотически: старый драный плащ из брезента с капюшоном, надетым на замусоленную спортивную шапочку ярко-шафранового цвета, похожие на мотоциклетные,

тёмные очки, и штаны-«хаки», заправленные в армейские ботинки с длинными грязными шнурками, а также длинная седая борода, свисавшая клочьями до пояса. В руке у меня была крепкая сучковатая палка, как раз по плечо высотой, на которую я опирался, слегка прихрамывая, – являя собой при этом яркий образ убогого и «задроченного» жизнью субъекта.

Используя мало кому известную технику ниндзя, я чётко понимал, что мои оппоненты в принципе не рассчитывали, увидев подобное «чмо», получить от него смертельную оплеуху.

Действие происходило на заднем дворе ресторана, в котором моя «мишень» расположилась на обед. Собирая объедки из мусорных баков и мешков, услужливо выставленных на вывоз ресторанными работниками, я всё ближе и ближе подбирался, как крыса к сыру, к вожаемой добыче.

Все близлежащие улицы находились под неусыпным контролем полиции, а также затаившихся «на всякий случай» воинов из корпуса быстрого реагирования. Пятеро из них в строгих костюмах дежурили возле заднего входа внутрь помещения, сурово поглядывая на невесть откуда взявшегося «попрошайку» в зоне их профессиональных полномочий.

«Значит, «президентские» ребята и друг моего визави с «целью» прямо сейчас находятся в самом ресторане», – спокойно прикинул я...

Ритм был таким: «раз-два, раз-два-три». Со сверхзвуко-

вой скоростью жалил мой клинок, вылетевший из закамуфлированных ножен под суковатую палку, на которую я так правдоподобно опирался несколько секунд назад. Чёткость рисунка движений была безупречна и отрететирована до мелочей, поэтому никакой реакции не последовало и не могло быть... Бедняги, не успев даже оценить мгновенный переход от жизни к смерти, как кегли в боулинге, заваливались на землю один за другим с колотыми и рублеными ранами в теле. И лишь последний, пятый воин, едва заметно взмахнув руками, изобразив слабую гримасу смятения на мясистом лице, обронил «буйну голову» ровно в тот мусорный бак, от которого намеревался недавно меня отогнать.

Проход в помещение ресторана осуществился также моментально, как и драма на заднем дворе. Скинув плащ и оказавшись в полевой форме цвета «хаки», я с улыбкой направился к отдельному кабинету на первом этаже. Два рослых здоровяка мигом перегородили мне дорогу, намереваясь остановить любой ценой. Дяди были оба около ста килограммов, но двигались с грациозностью больших диких кошек. Я вернул клинок в ножны, – не хотелось больше «калечить» великолепную сталь, – и торцом палки коротко ткнул в лицо ближайшему охраннику. Тот увернулся и, легко перенаправив палку, попытался забрать её из моих рук.

Я не дал ему реализовать эту замечательную идею, а просто высоко подкинул оружие к потолку. У меня было четыре или пять секунд, поскольку из кабинета выглянуло твердо-

каменное лицо моего знакомого «спеца». За время приземления палки в мои руки я:

1) Воткнул подвернувшуюся вилку в сонную артерию, набежавшего на меня дяди, успев крутануть его ногу в противоположном направлении движения его мощного тела, и он уже в полностью «разобранном» состоянии приземлился в трёх столах от поля боя...

2) Коротко подсев под «двоечку» боковых ударов следующего тяжеловеса, жёстко рванул его за пах вниз и с разворота засадил ударом ноги это большое тело в траекторию низкого, скоростного и турбулентного полёта сквозь столы, стулья и нескольких сидящих зевак этого милого заведения,

3) Поймал палку-клинок в обе руки.

Но... За эти мгновения «мой спец» уже успел уволочь «мою мишень» из ресторана. Не знал он только одного, – что я и здесь всё предусмотрел. Не успели беглецы выскочить из помещения, как им навстречу, откуда ни возьмись, выскочил табор цыган со свадьбой и живо отсёк их от остальной охраны...

Цыгане плясали и пели, кружась вокруг жертвы и «отрабатывая» жирный куш, который упал долларовыми купюрами к ним в руки, незадолго до этих событий, прямо с «небес»... в моём исполнении.

Наши со «спецом» глаза встретились и встретились руки... Я уже был без шапки и камуфляжа, в шортах и цветастой рубашке с босыми ногами и с неизменным «суковатым»

оружием в руках...

– Привет! – напряжённо выдохнул мне в лицо профессионал, тщетно ища глазами отсоединённого от него босса. Следующий выдох был последним, и пришёлся мне в плечо, когда его голова безжизненно повисла на нём на какое-то мгновение после чудовищного удара клинком под рёбра...

Самолёт плавно и скоро уносил меня из Нью-Йорка обратно в Москву с чувством глубокого удовлетворения от выполненных «работ» и чисто самурайского удовольствия от безупречного мастерства.

Обучение

Глава 13

Старец показывал мне различные мудрёные серии движений руками и ногами в очень медленном темпе, а потом долго и подробно объяснял смысл каждого из этих плавных и красивых перемещений, уклонов и раскачиваний телом, в которых таились оздоровительные силы и защитные приёмы.

Светломудр, после памятной встречи со мной в образе летающего дракона, предложил мне обучение тайным практикам Светлозарии в обмен на моё искреннее согласие действовать в своём мире от «имени» добрых жителей «снящегося» мне волшебного царства Зазеркалья. Он с улыбкой, терпеливо и приветливо раскрывал передо мной удивительную правду мироустройства и распределения «тёмных» и «светлых» Великого Универсума Сияющей Истины, в котором мы все имеем честь и счастье пребывать.

– Запомни, Иванушка! – ласково изрекал своим густым, бархатистым и чарующим гласом Светломудр. – Всё к чему ты привык в своём мире, – всего лишь часть огромного и бесконечно заселённого различными существами пространства Универсума Жизни. Извечно ведут между собой священную борьбу два противоположных друг другу мировоззрения –

воины Света и Созидания отстаивают территорию Милосердия и Взаимопомощи в противоборстве с ордами Разрушения и Хаоса.

– Здесь, в Зазеркалье, жителям Светлозарии искони противостоят тёмные силы Заоблачья. У Вас людям доброй воли путают планы ненасытные и прожорливые служители демонов алчности, беззакония, лицемерия и похоти.

– Истинной же защитой от всевозможного Зла – всегда был и будет Путь личного внутреннего цветения потенциала Силы и Мужества перед лицом любых препятствий, обнаружения в себе неугасимого Пламени Служения всем тем, кто нуждается в нашей помощи и поддержке. Желание воздать сторицей за всю благодать Жизни и её подлинные сокровища – Тайну Любви, Величие Сострадания и Красоту Самопожертвования.

Я жадно слушал, широко раскрыв рот и замерев от восхищения перед непререкаемой ценностью священного Учения старца.

Каждую ночь я погружался в глубины заповедных знаний своего неожиданно обрётённого Учителя, который делился ими с непередаваемым смирением и безоговорочным доверием к ученику.

Застра только изредка навещала нас в свободное от своих многочисленных обязанностей время. Она была незаменимой помощницей Светломудра, и жители Светлозарии практически воспринимали её как полноправное воплощение их

правителя, а её просьбы и пожелания так, как будто их проносил сам Светломудр. Так что она вполне могла руководить в отсутствие мудреца всем Зазеркальем и его делами беспрепятственно, чем я и мой Учитель неминуемо пользовались для моего всестороннего и полноценного обучения.

Я уже довольно сносно овладел многими премудростями удивительного и странного искусства управления собственным телом, как орудием магической Силы и её скрытых возможностей, в том числе и навыками самозащиты.

И теперь, в так называемом «реальном» мире, начинал чувствовать некоторые события ещё до их появления, взглядом разгонял облака или, например, в одной странной ситуации, проходя мимо пивного ларька вместе с Гриней, легко, одним движением, так «отцепил» от него двух каких-то подвыпивших задир, что самому стало невероятно весело, но непонятно, как мне такое, чёрт возьми, удалось.

Вечером, после этого случая, ко мне завалился совершенно трезвый Шайкин, деловито прошёл, сел на мою кровать и долго, испытующе долго, смотрел, как я вожусь с починкой утюга соседки.

Через какое-то время он так же молча встал и пошёл к двери, на пороге притормозил, повернулся ко мне и пригрозил пальцем:

– Ты, Ваньша, это... Смотри, Ваньша... Я ить того... Сам могу часто за тебя... ну и за себя... это... поставить, бр-р-р, постоять. Так что ты, в другом разе, того... осторожней...

Обещаешь?

Я посмотрел на него и сказал:

– Ладно.

После чего Гриня вышел за дверь, но минут через пять вернулся снова, исподлобья уставился, вытаращившись, на мои руки, закреплявшие крышку утюга на положенном ей месте, и затем заискивающе спросил:

– Я так, Ваньша, и сам хочу уметь... ну, это... руками разгребать... Научишь, брат, а?..

Глава 14

Мы сидели с Наташей в кафе. Яркое утреннее солнце вальяжно выплывало в мир из бездны ночного безвременья. Мы с Наташей опять встретились на стадионе и решили вместе попить кофе.

Маленькие изящные руки молодой женщины плавно приподнимали блюдце с чашечкой дымящегося напитка, и я заворуженно смотрел и смотрел, как прикасаются её губы к фарфоровому ободку, как пар от кофе медитативно проникает в её струящиеся по плечам волосы, как разноцветный маникюр её ногтей поблёскивает в отражении гляцевых поверхностей сервиза...

– Ты выглядишь в белом костюме настоящим ангелом, – сказала Наташа и улыбнулась красивыми зубами.

Я сидел в некоем лёгком трансе от её такого близкого присутствия и испытывал несравнимый ни с чем кайф влюблённого подростка. Поэтому лишь слегка улыбнувшись, я только благодарно кивнул и почему-то густо покраснел, словно школьник после похвалы классной руководительницы на общем собрании. Наташа тихо рассмеялась. Я снова кивнул.

Народу за соседними столиками в этот утренний час было совсем немного, так что в расслабленной атмосфере дружеского кофепития было что-то, отчего выглядеть глупо и

несуразно взрослому мужчине, как я, определённо не возбранялось. Осознавая это, было легко и просто до такой степени, что мы с Наташей как бы участвовали в каком-то почти мистическом «ритуале», где каждый не зависел от другого и мог вести себя как угодно.

Единственное, отчего я никак не мог отделаться, так это от собственного, бог знает откуда обрушившегося на меня, чувства беспомощной застенчивости, чувства, пробуждавшегося во мне во времена моей ранней юности, когда мама целовала меня в губы при посторонних, или когда моя просыпающаяся чувственность уже начинала свой древний танец в крови при виде симпатичных представительниц противоположного пола...

– Тебе заказать ещё кофе? – спросил я у Наташи и вновь покраснел, ощущая верхушками ушей тёплую волну очередного прилива смущения.

– А ты будешь? Тогда и мне ещё одну чашечку «капучино» без сахара... Ладно?

Я кивнул и направился делать заказ, благодаря всех богов за свалившееся сегодня утром на меня неожиданное блаженство, – присутствовать в компании этой потрясающей блондинки, матери трёх детей и жены многоуважаемого чиновника высшего эшелона.

Впрочем, последнее обстоятельство меня меньше всего тревожило, поскольку на своём веку я как раз видел-перевидел «боссов» разных мастей и уровней сотнями, и не только

в общении, ограничиваясь лёгким рукопожатием...

Но присутствие настоящей женщины-мечты прямо рядом за столиком, возможность смотреть на её тонкие смеющиеся губы с маленькими веснушками по бокам и на щечках, проникать своим взглядом в головокружительную синеву её очей, – ребята, я готов умереть за каждый вздох её пленительно-прекрасного тела...

Официант принял заказ и я вернулся на место, чтобы ещё раз убедиться, что и её улыбка, и ритмично вздымающаяся грудь под летним платьем, и открытые плечи, и тонкие выразительные руки с длинными пальцами, – всё это, сию минуту, принадлежало только мне... Хотя и без надежды на такой царский подарок, как близкий контакт.

Мы ещё полчаса болтали на разные отвлечённые темы, а потом она ушла, ещё раз взглянув на меня из-под пушистых ресниц долгим тёплым взглядом, от которого хотелось танцевать и плакать, жить долго и счастливо, а потом умереть с нею в один день в крепком объятии наших любящих и склеенных страстью тел.

Я сидел и сидел в кафе всё на том же месте. Не заказывал больше ничего и не смотрел по сторонам...

В моём сердце происходило странное таянье душевных льдов, «высокое» плавление давно замороженного ощущения человеческого сопричастия всему на земле и в космосе, ощущение чуда происходящего со мной бытия, сказки, которую вот эта живая женщина, этот человек по имени На-

таша, так ненавязчиво и круто одновременно, подарила мне сегодня.

Солнце окончательно и безжалостно воцарилось на безоблачном небе. В кафе стало жарко. Мой тренированный многолетними практиками войны ум вдруг моментально и бесповоротно снова включился в работу. Эфемерное видение простого человеческого и недостижимого для меня счастья в образе хрупкой и волшебной Наташи кануло в небытие. Я привычно и незаметно огляделся, встал и вышел из кафе.

Боевой механизм моего могучего тела требовал дальнейших действий, поступков на пределе обычных человеческих возможностей. Чёткий план следующих шагов на моём профессиональном поприще требовал мобилизации всех сил в ближайшее же время. Я снова был в «седле». Я снова готов к очередным подвигам и победам. Мой внутренний самурай жив! А смерть – такой же помощник, как и все другие инструменты воздействия на мир людей и событий.

Никаких соплей. Никаких сантиментов. Никакой пощады!

Глава 15

Свечи, свечи, свечи расставлены по всему помещению апартаментов. Человек в чёрной маске уверенно и по-кошачьи мягко движется сквозь эстетически декорированное пространство и роскошное убранство спальни...

Тантрическая музыка завораживающе-медитативно льётся из стереосистемы, которая спрятана за пологом, огораживающим специально отведённое для неё место. Пелена лёгкого аромата чувственно и едва уловимо заполняет всё вокруг. Картины на стенах и дорогие персидские ковры на полу создают атмосферу гарема какого-нибудь древневосточного падишаха...

Человек грациозно и плавно подходит к изголовью кровати в стиле рококо, на которой лежит обнажённая и удивительно красивая женщина. Она привязана за четыре конечности к углам кровати длинными шёлковыми лентами так, что не может пошевелиться и с ужасом взирает на человека в чёрной маске. Рот её плотно перетянут ещё одной атласной лентой, не дающей возможности для того, чтобы издать хотя бы звук. Зрачки прекрасных зелёных глаз женщины максимально расширены, рот приоткрыт, пышные иссиня-чёрные пряди рассыпаны вокруг её головы наподобие нимба.

Под её упругие очаровательные ягодички подложены ма-

ленькие подушечки, которые «вкусно» приподнимают её бёдра так, что бутон гениталий как бы раскрывается во всём своём непревзойдённом совершенстве и сексуальном великолепии навстречу любому любопытному взгляду. Но кроме мужчины в чёрной маске насладиться этим воистину первозданным зрелищем некому. В меру полные и соблазнительно округлые груди по-королевски великолепной женщины торчащими в разные стороны сосками словно указывают на выбор между жизнью и смертью. Белая, почти до мраморности белая кожа тела красавицы придаёт всему зрелищу какой-то даже мистический оттенок... Эта белизна словно сияние абсолютной чистоты создаёт целостное ощущение таинства пресуществления духа в материю, света – в бесконечность оттенков миротворения...

Человек в чёрной маске внимательно оглядывает «церемониальное» помещение ещё раз. И сияние десятков магических свечей в серебряных высоких подставках для них. И тяжёлую бархатную завесу штор на окнах.

Блики огоньков от многочисленных свечей лёгкими мазками ложатся на картины. Их золочёные рамы, обрамляющие подлинники шедевров некоторых мастеров высокого Возрождения и пары работ Кандинского и Климта, выгодно подчёркивают общую эстетическую направленность интерьера. «Безмолвствующая» за ненадобностью изысканная люстра под потолком притаилась в мерцающей тишине, поблёскивая натуральным горным хрусталём подвесок.

Вся симфония переливающихся обертонов света и тени, всплески нот «демонического» Вагнера, льющиеся стройными рядами из спрятанной стереосистемы и заменившие умиротворение тантрической мелодии, обнажённая женщина, скульптурно распластанная на своём ложе-эшафоте, – всё служит гармоничным выражением некой гениальной творческой Идеи. Всё подчинено мистериальному таинству воплощения этой идеи: одновременно и формой и содержанием, и сутью и фоном, полнозвучной композицией внешней объектности и подспудно ощущаемой волнообразной текучестью квантовой реальности за её тяжеловесными пределами...

Вечная загадка замысла и его мастерское осуществление, казалось, каким-то немислимым чудом достигли окончательной доминанты и обрели явственное согласие своего вечного противоречия здесь, в «пентхаусе» одного из дорогостоящих жилых комплексов Москвы.

Мужчина не шевелится. Словно Микеланджело перед «Сикстинской капеллой» стоит он и созерцает свою работу в ожидании вдохновения для последнего штриха, что завершит этот «шедевр». Наконец, он преклоняет колено подле ложа своей благословенной «модели» и низким красивым баритоном изрекает один из псалмов на древнееврейском (арамейском) наречии. Затем поднимается с колена и вдруг одним резким, лёгким и точным ударом рассекает жертве её атласную нежную кожу на шее крестообразным рисунком

отточенного кинжала. Кровь, послушно и радостно брызнув, течёт из раны на белоснежное тело, как будто истомлённо дождавшись своего освобождения из недр божественного тела женщины, – когда же, наконец-то, оно случится...

Соловья разбудили в самое смачное время глубокого сна со сновидениями... Сон был цветной, сладкий и ускользающий из памяти удивительно живым видением сказки.

– Виктор Янович! – сказали в трубке глуховатым голосом его помощника Игоря Матюшко. – Опять наш «мастак» проявился в Юго-Западном, мать его... Машину за вами уже послали.

Новый виток обучения

Глава 16

Я прыгнул вслед за Светломудром и, уверенно пролетев над верхушками нескольких папоротов, оказался рядом с мудрецом на широкой плоскости листа одного из них.

Светломудр довольно улыбнулся моему лёгкому и точно-му манёвру и указал на широкий зев аккуратного углубления в скале, куда мы и намеревались попасть. Почти невесомый, но очень крепкий и прочный, с пульсирующими прожилками на нём, лист папорота вплотную соприкасался с входом в пещеру. Мы прошли по слегка покачивавшемуся под тяжестью наших тел листу и вошли в углубление скалы. Продолжение входа выглядело как длинный отполированный тоннель, слабо освещённый мягким светом невидимых огоньков местных источников свечения, внешне напоминающих маленькие шарики с искрящейся жидкостью. Жители Светлозарии называли их просто и ласково – «светики», ведь они были, как и всё здесь, живыми чувствующими существами, умевшими и общаться, и выражать любые обычные эмоции. Правда, заметить их было почти невозможно, особенно, если они этого сами не хотели. Пройдя по тоннелю, который петлял и, по моему ощущению, медленно вёл нас всё ниже

и ниже в толщу скалы, мы очутились у двух больших разноцветных створок наглухо запертых ворот, плавно раскрывшихся сразу же при нашем появлении, обнажая потайную анфиладу зеркальных залов.

– Приветствую тебя, о, ученик, в этой святой святых главного тайника нашей жизни – сакральном Вместилище Грёз! – торжественно произнёс мой могущественный и мудрый Наставник. – Здесь находится плато управления миров, которые когда-либо существовали, существуют до настоящего времени и будут существовать во веки веков... У вас в земной обители ваши учёные мужи называют нашу реальность словом «квант». А мы всего лишь храним тут в недосыгаемой целостности семена всех возможностей, которые способны либо давать силу вещам и явлениям, либо полностью лишать кого бы то ни было и что бы то ни было этой силы. Многие великие и малые сих миров злоумышляли пробраться сюда и овладеть нашим Вместилищем Грёз. И только неустанный труд моих многочисленных подданных и служителей да древние знания и умения всех прошлых времён позволили нам сохранить от дерзких нападений сие Святилище. – Светломудр перевёл дух. – А теперь с твоим появлением – о, ученик, мой! – возникла и долгожданная надежда объединить все сущности доброй воли ваших и наших миров.

Он кивнул мне и жестом пригласил продолжить наше магическое путешествие. Мы прошли ещё некоторое время по

анфиладе зеркальных залов и остановились перед матово светящимся внушительных размеров экраном вроде тех, что располагаются в наших лучших земных кинотеатрах.

В руках Светломудра, откуда ни возьмись, появилась небольшая дощечка из неизвестного мне материала, которая скорее напоминала живое существо, нежели просто инструмент для использования.

На экране тут же замелькали калейдоскопические кадры из разных областей знания и я, как заворожённый, впился в них глазами, а в моих ушах зазвучали объясняющие их комментарии.

Здесь были многие неизвестные мне факты истории земли со всевозможными древними катаклизмами и непрекращающимися войнами одних народов и народностей с другими...

Бесконечные формулы и алгоритмы исчислений алгебры и высшей математики...

Законы физики и открытия квантовой механики вкуче с пояснениями общей и специальной теории относительности...

Химические опыты разных уровней сложности и детальное исследование их молекулярных составляющих...

Изыскания биологии и находки физиологии, прорывы медицины и геронтологии, геной инженерии и квантовый скачок далее к футичному видению сингулярного воссоединения всего со всем...

Вопросы информатики, кибернетики, новейшей философии, инфопсихологии, а также пути исследования и развития всего комплекса человеческих знаний о мире, о внутренней системе психики и мозговой деятельности, о бескрайнем мультиплановом пространстве Универсума...

Великая карта возможностей познания жизни и её чудес развернулась перед моим восторженным взором. Волна волшебной информации подняла моё сознание до высот необозримого могущества и напитала мой мозг неожиданным и глубоким постижением сущности бытия. Но на удивление при этом я не ощущал ни переизбытка знаний, ни головокружения от увиденного и услышанного за время обучающего сеанса.

А только удивительный покой и удовлетворение от проделанной работы обволакивали моё восприятие ощущением катарсического и мягкого послевкуся ...

Мастер Светломудр, лучезарно улыбаясь, смотрел на моё преобразование с искренним почтением и радостью за своего ученика.

Глава 17

– Писать заявление? – недоумевающая физиономия моего бывшего соучастника пиршеств невообразимо вытянулась и застыла наподобие тех африканских масок, что с любовью изготавливаются аборигенами для всевозможного первобытного колдовства.

Я немного посвятил Гриню в свои ближайшие планы, за что вот уже битых полтора часа расплачивался тщетными разъяснениями «зачем» мне всё это.

– Слушай, друг мой Григорий! – наставительно, в который уже раз, пытался донести я своё послание. – Мы обязательно останемся друзьями, но при всём при том я безумно нуждаюсь в переменах, брат.

– Ничего не вразумлю, Иваныч... Нешто ты работу и дом порешил на божество сменить?! – странная манера Грини истолковывать события да и многие другие «завихрения» только теперь явились передо мной, как по заказу, во всей своей нестерпимой дикости. Я замер, пытаюсь осмыслить услышанное, хотя не скрою, озадачен я был не меньше Шайкина...

– Ладно, Петрович, открою тебе великую тайну... – Я авторитетно помолчал и продолжил. – Мне поручили секретную миссию, о которой никому знать не обязательно. Понял?

Я должен отправиться на поиски одного важного для нашего ЖЭКа учреждения в Москве.

– Зачем это, ты што? – напрягся Григорий. – А я?!

– А тебе нужно остаться здесь и стеречь мою комнату от незваных гостей, которые могут понаехать, разузнав, что я на секретном задании... – Я с интересом смотрел на Шайкина и ждал.

– Так ты брата кинуть хочешь, ты ... – Григорий не нашёл нового аргумента и просто присел на любимый свой табурет в моей комнатёнке. Вид у него был настолько потерянный и разочарованный, что мне в первую секунду даже захотелось обнять своего товарища и потрепать по отвисшей челюсти.

– Ты не серчай, Гриша! Я скоро, – одна нога здесь, другая там... – пришлось сделать мне ещё одну скромную попытку образумить бугая...

– Да где ж... – неопределённо махнул он своей ручищей великана. – Ладно, поохраю...

– Ну, вот и славно, – обрадовался я согласию Грини на мою нелепую отговорку. – Я никогда не забуду, Петрович, наши «боевые» деньки, нашу коммуналку, тётю Глашу, тётю Рину, столярку и... в общем, занимай территорию и жди моего возвращения, Гринёк.

– А зачем «не забуду», Ваньша... Ты думаешь, они тебя уже не дождут, чё ли? Или чё-ё-ё?! – Григорий вглядывался в моё спокойное улыбающееся лицо, но, не высмотрев ничего впечатляющего для себя, смиренно кивнул патлатой баш-

кой, всхлипнул и сказал, – Я тебя сёравно не брошу в беде, хоть тресни... Надо будет – из-под земли достану, а помогу!.. – обнадёживающе покивал он мне, потрепал по плечу и продолжил, – Пойду завтра к Узюму, скажу: я из-за вас брата потерял, а? Пусть ево соисть замучит, правда, Ваньша? – Гриня Шайкин заискивающе смотрел в мои печально-приветливые глаза, в которых затаилась предательская слезинка.

Совершенно точно знал я, как будет качать головой Узюмов Николай Николаевич, как будет злиться Петрович на «скрываемую» от него «командировку» лучшего друга и брата, как пойдёт и накачает себя пол-литровой «Столичной» (и не одной) с горя, как будет тщетно выискивать меня после того по всем закоулкам нашей «дружной» коммуналки и вопить во всё дюжее горло про «хрень и преданку нашенской жизни».

А быстрый «скорый» тем временем понесёт меня по просторам Родины в неизвестность и таинственную пустоту мерцающих звёзд и ночи, в далёкую, блистающую многочисленными возможностями столицу, которая совсем ничего не ждёт ни от жизни, ни от своих горожан, ни от приезжих, – словом вообще ничего не ждёт... Ей, ведь и так хорошо, а?.. Она ведь и так, столица... Третий Рим, а?!

Тем более не собирается она привечать мчащегося навстречу ей очередного искателя счастья для всех людей, безродного и нежданного посланника иных миров, несущих свою благую весть через него о том, что может быть услы-

шано и повлиять на судьбы миллионов и миллионов других искателей счастья.

Москва

Глава 18

Москва в начале лета 1998 года представляла собой прекрасное и незабываемое зрелище.

Даже так: перед тем как обрушиться августовскому кризису на её зелёные липовые, кленовые и тополиные парки и аллеи, величавые главы красавиц-церквей, «Красную» от крови многочисленных исторических казней и «козней» площадь, перед тем как переполнить ему своим потоком обесцеленных жизней и рублей древнюю, разбуженную «грохотом» перестройки и в очередной раз околпаченную Россию, – я запомнил её в свой первый приезд, прекрасной и незабываемой...

Августовский кризис имел не только экономическую подоплёку... За многими и многими коммерческими, политическими, социально – культурными феноменами стояли бесконечной вереницей нелёгкие судьбы тех, кто вместе со страной совершили головокружительный прыжок в абсолютно несвойственный «русской душе» мир капиталистических соблазнов из уютного «застоя» социалистических «нельзя!». Их чаяния, надежды, моления и уже имеющие место победы и достижения повисли на волоске очередного пируэта экспе-

риментов власть имущих над собственной «паствой».

А сейчас, за два месяца до этого сногшибательного события, государыня-столица нежилась в лучах пронзительного утреннего солнца, блаженно жмурясь миллионами окон навстречу спешащему в её лоно поездами, самолётами и многочисленным автотранспортом народу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.